

On the legal and psychological lessons of an approaching pandemic: eyewitness notes

E. V. Koneva¹, N. N. Tarusina¹, S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-90-101

Research article
Full text in Russian

The article discusses the restrictions on the rights and freedoms of citizens during the coronavirus pandemic, assesses their essence, proportionality and consequences, both legal and psychological. Reflections are offered on the relationship between the right to dispose of one's life and health and the obligation to preserve health. The emergence of a new group of social minorities is stated - the elderly and citizens with health restrictions (disability), who were most of all subjected to restrictions in their livelihoods. Criteria are proposed that legal restrictions must meet in a pandemic. Assumptions and conclusions are illustrated by examples. The psychological characteristics of the perception of pandemic restrictions and the corresponding behavior of certain categories of citizens are given.

Keywords: pandemic; restrictions on rights and freedoms; pros and cons of decisions; older people; perception and behavior; psychological characteristics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V.	E-mail: ev-kon@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-6981-0341 Doc. Sc. (Psychology), Associate Professor
Tarusina, Nadezhda N. (correspondence author)	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Law), Professor
Simonova, Snezhana V.	E-mail: snezh-simonova@yandex.ru ORCID iD: 0000-0002-9960-911X Cand. Sc. (Law)

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

О правовых и психологических уроках уходящей пандемии: заметки очевидцев

Е. В. Конева¹, Н. Н. Тарусина¹, С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-90-101
УДК 342.7, 159.96

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются ограничения прав и свобод граждан в период пандемии коронавирусной инфекции, оцениваются их сущность, соразмерность и последствия как юридического, так и психологического характера. Предлагаются размышления о соотношении права распоряжаться своей жизнью и здоровьем и обязанности по сохранению здоровья. Констатируется появление новой группы социальных меньшинств – пожилых людей и граждан с ограничениями по здоровью (инвалидностью), которые более всего подверглись ограничениям в своей жизнедеятельности. Предлагаются критерии, которым должны отвечать правоограничения в условиях пандемии. Предположения и выводы иллюстрируются примерами. Дается психологическая характеристика восприятия пандемических ограничений и соответствующего ему поведения отдельных категорий граждан.

Ключевые слова: пандемия; ограничения прав и свобод; плюсы и минусы решений; пожилые люди; восприятие и поведение; психологические характеристики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна	E-mail: ev-kon@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-6981-0341 Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии
Тарусина, Надежда Николаевна (автор для корреспонденции)	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ
Симонова, Снежана Владимировна	E-mail: s.simonova@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0002-9960-911X Кандидат юридических наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

В соответствии с положениями ст. 55 Конституции РФ допускаются ограничения прав и свобод граждан, в том числе в целях защиты здоровья, безопасности страны, прав и законных интересов других лиц. С одной стороны, это совершенно необходимо в силу взаимодействия и даже столкновения (противопоставления) между носителями как различных интересов и обладателями прав и свобод, так и частных интересов индивида, интересов гражданского общества и публичных интересов государства [1, с. 9–20]. С другой стороны, в разрешении подобных изъятий заключается потенциальная опасность чрезмерно широкого их применения. Примеров подобного рода вполне достаточно как в законотворческой, так и прикладной юридической деятельности, и они весьма подробно продемонстрированы и проанализированы в доктрине [2, с. 8–21]. Поэтому перейдем к размышлениям об ограничениях в период пандемии последних двух лет, в том числе о появлении в законодательстве и правоприменительной практике новых ограничительных режимов, модифицированных технологий в бытовой сфере и профессиональной деятельности, а также специфического «новообразования» в категории социальных меньшинств.

Как известно, «антивирусное» законодательство оценивалось (в моменте) и оценивается в настоящее время, по следам «боев» регионального и федерального уровня, неоднозначно. С одной стороны, оно содержало много верных положений, весьма положительно повлиявших на развертывание и разрешение столь неординарной ситуации: льготы и выплаты семьям с детьми, особенно многодетным семьям [3], бизнесу (не только крупному, как это нередко водилось ранее, но среднему и малому); поддержка медицинских работников (организационная, финансовая, психологическая); экстренное финансирование научных разработок в области фармации – лекарственных препаратов и вакцины; поощрение добровольчества и благотворительности – прежде всего в сфере реальной помощи медицинским учреждениям и гражданам, нуждающимся в этом в силу возраста и/или здоровья; постепенное разворачивание информационных ресурсов – от информирования населения о ситуации с пандемией до телевизионных программ, посвященных особенностям данной пандемии, создаваемым «с колес» средствам медицинского и фармакологического противодействия, и т. д. С другой – ориентировало граждан на самоограничение, вплоть до самоизоляции, удаленную форму работы и обучения, устанавливало прямые запреты (на собрания и митинги, передвижение по городу, пользование рядом услуг и пр.).

При этом федеральные власти предоставили весьма значительные полномочия региональным руководителям, которыми в большинстве случаев они и воспользовались. Давая оценку происходившему с позиции накопленного опыта, следует отметить, что на результатах как точно, так и по широкому спектру решений сказалось отсутствие не только системного законодательства о «режиме повышенной готовности», но и соот-

ветствующего опыта региональных и федеральных лидеров по управлению означенным режимом.

Ограничения вводились значительные и даже чрезвычайные: цифровые пропуска и отслеживание перемещений (там, где это позволяли технические и финансовые возможности), «заставы» на региональных границах (например, не единожды – между Ярославской и Ивановской областями); приостановка работы ряда юридических лиц (различной организационно-правовой формы); отмена льготного проезда (в том числе чтобы мотивировать пожилых людей оставаться дома), туристических и деловых поездок (командировок) с частичным или полным «замораживанием» потраченных средств; перевод в дистанционную форму работы судебной системы, адвокатской помощи, сокращение «присутственных графиков» нотариусов; и т. д.

В связи с этим в научной среде и среди практикующих юристов сформировалась довольно жесткая дискуссия о правомерности и реальной обоснованности подобных ограничений прав и свобод, о судебных перспективах жалоб и исков граждан и организаций по вопросам применения ограничительных мер, о восстановлении «ушедшего» от нас права, условиях и сроках его «возвращения» [4, с. 46].

С одной стороны, разумные ограничения передвижения, собраний, соблюдение карантинных мер – необходимые и в целом приемлемые условия выживания общества и государства в пандемической ситуации. Однако, с другой стороны, например, введенная в нашу юридическую и повседневную жизнь конструкция самоизоляции обнаружила лакуны в правовом регулировании и психологическую неготовность граждан отнестись к ней с пониманием. Заклучая в себе на первый взгляд, да и с точки зрения буквального толкования, значительный (если не всеобъемлющий) компонент добровольности, она на деле оказывалась видом принуждения. И довольно жесткого. При этом введение означенного режима сопровождалось дифференцированным подходом, во-первых, по регионам, а во-вторых, – по группам (категориям) граждан.

Среди них особый акцент был сделан на «пандемический статус» представителей «серебряного возраста» (первоначально с 65, а впоследствии и 60 лет), а также граждан с инвалидностью, который юридически и фактически породил новое социальное меньшинство. Нормативно-правовым основанием столь дифференцированного требования самоизоляции, разумеется, явилась уже упомянутая нами конституционная норма ст. 55. А в мотивационном смысле – забота о здоровье «групп риска» (впрочем, и соображения о реальных возможностях медицинских учреждений, в том числе наличии медицинских работников, «койкомест», достаточности медицинского оборудования и лекарственных средств).

И фактически, и юридически это вызывало серьезные возражения. Во-первых, в рамках реализации одного из фундаментальных прав – права распоряжаться своей жизнью (и в определенной мере – здоровьем), принятие соответствующих решений является все же прерогативой гражданина.

Это, кстати, подтверждается самыми различными социальными практиками: можно штурмовать Ключевскую сопку, любую иную вершину Камчатки и других территорий, заниматься глубоководным погружением в компании акул и иных морских хищников, подвергаться риску на «американских горках», в большом количестве употреблять спиртосодержащие напитки (если первые композиции не относятся к массовым и могут быть подвергнуты сомнению в качестве необходимых и достаточных аргументов, то последняя – куда как массова и представляет собой явную опасность для общества). То есть рисковать жизнью и здоровьем можно, в ряде случаев это даже поощряется обществом, например в альпинизме, скалолазании, хай-дайвинге и т. п. (При этом, разумеется, за скобками размышлений мы оставляем все виды профессиональной деятельности, заведомо предполагающие высокие риски своей реализации.)

Столь же неочевидны содержание и реализация (в качестве некоего противопоставления праву распоряжаться своей жизнью и здоровьем) конструкции обязанности гражданина заботиться о сохранении означенного здоровья, на которую, в том числе и в рассматриваемом случае с пандемией, опирается государство. Данная обязанность действительно предусмотрена нормой ч. 1 ст. 27 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», но она сформулирована декларативно и конкретизируется только для специальных случаев: нормами ч. 2 и 3 закрепляется обязательность прохождения медицинского осмотра как условия занятия некоторыми видами профессиональной и иной (например, спортивной) деятельности, а также в связи с диагностированием опасного заболевания; обязанность соблюдения предписанного врачом режима лечения на период временной нетрудоспособности. Расширенное толкование означенных норм весьма проблематично [5–6], оно может вести к оправданию даже нелепых требований (например, носить зимой шипованную обувь, чтобы избежать риска травмы конечностей или головы; употреблять соль, «белую смерть», не более одного грамма в день; и т.п.) [7].

Во-вторых, граждане 60/65плюс, как правило, вполне трудоспособны, большинство пожилых людей разумно и ответственно относятся к организации оставшейся им части жизни, вопреки устойчивому предположению концепции «геронтологического эйджизма» [8]. А их жизненный опыт (в том числе советского периода) является основой для подчинения решениям представителей государственной власти. Кроме того, как показывают результаты современных социологических исследований, избыточный патернализм отнюдь не способствует сохранению этой «возрастной популяции». Прямо наоборот: он снижает энергетический потенциал пожилых людей, ослабляет их сопротивляемость возрасту, способствует развитию инфантильности вместо формирования адекватной самооценки своих физических и психических возможностей и добровольного самоограничения [9]. При этом вред от режима принудительной самоизоляции, на наш взгляд,

был вполне очевиден, поскольку ограничивал потребности граждан «серебряного возраста» в движении, коммуникации, привычных занятиях.

Как показала практика Ярославской области, хотя режим самоизоляции пожилых людей последними соблюдался с разнообразными индивидуальными оговорками, в целом он наличествовал и давал ожидавшиеся (предполагавшиеся) результаты – прежде всего в части сдерживания уровня заболеваемости. При этом наблюдалось немало примеров бюрократического недомыслия со стороны «сил управления». Например, не были приостановлены для этой возрастной группы требования об обязательном ежегодном медицинском освидетельствовании для продолжения профессиональной деятельности – в качестве преподавателя вуза, школы и т. п. (заметьте: не первичном для заключения трудового договора, что было бы оправданным, а именно периодическом) – это как раз и вынуждало их длительное время пребывать в очередях к врачам, причем в компании более молодых граждан, далеко не всегда соблюдавших санитарные требования. Другой разновидностью административной «заботы» явился пример, связанный с запуском дистанционного обучения: в ряде вузов на первом этапе в «удаленку» были отправлены именно пожилые профессора и доценты – с одновременным требованием к ним в срочном порядке подготовить и разместить учебные материалы в виде электронных ресурсов соответствующих «цифровых» библиотек [10], предписав им фактически двойную рабочую нагрузку (по сравнению с более молодыми коллегами). И т. д. Все это свидетельствовало о появлении новой группы дискриминируемых меньшинств – 65плюс (а впоследствии и 60плюс) – на фоне позитивной дифференциации в других отраслях правового регулирования [11, с. 28].

Полагаем, что приобретенный опыт организации жизнедеятельности в чрезвычайных ситуациях (в том числе анализ соответствующих управленческих ошибок) необычайно ценен. Поражение в правах (или кажущееся таковым для граждан), будь то избирательное право, право на свободу труда, право на семейную жизнь, свободу передвижения и массовых мероприятий и др., – дело исключительно серьезное, требующее системного профессионального знания, разумного законодательства, гуманитарных начал административной практики, грамотной (желательно талантливой) работы по всестороннему информированию граждан страны (региона, отдельной местности) о причинах и сущности принимаемых решений¹.

На важность тщательного взвешивания целесообразности, характера и способов правоограничений в экстраординарные для государства периоды (кризисы, пандемии и пр.) не раз обращали внимание многие конституци-

---

¹ Этот опыт, как теперь становится очевидным, является значимым и в период проведения СВО, в связи с которым также введены различные ограничительные режимы, в том числе и режим повышенной готовности. Однако, ввиду особенностей менталитета российских граждан, производного от российской истории, ближней и дальней, означенные решения большинством воспринимаются с несоизмеримо большим пониманием.

оналисты, справедливо подчеркивавшие недопустимость умаления прав². Обозначенная директива имеет важный не только ценностный, но и практический смысл: результатами многочисленных исследований опровергается существование однозначной взаимосвязи между авторитарными мерами реагирования государства на пандемические угрозы (ВИЧ, вирус Эбола, H5N1) и решением кризисных ситуаций [12]. Напротив, введение ограничительных мер, отвечающих духу концепции прав человека, способно оказать позитивное воздействие на успехи в сфере здравоохранения, поскольку работает на повышение информированности в проблемной сфере, благоприятно для объединения усилий государства и общественности.

Как видится, установление ограничительных режимов в личной, политической, социально-экономической и культурной сферах во время пандемии и иные сопоставимые по уровню угроз периоды должно учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, важно, чтобы ограничение прав в кризисные периоды приводило к соразмерному возрастанию публично-властных обязанностей. Например, при ограничении права на персональные данные в направлении принудительного сбора личной информации именно на государство возлагаются функции обеспечения безопасности собранного массива. Сужая пределы свободы распространения информации, важно гарантировать гражданам полноценный и равный доступ к достоверной информации.

В целом введение ограничительных мер в период пандемии следует обеспечивать стратегией оперативного восстановления ограничиваемых свобод в постковидное время. К сожалению, опыт 2020 года показывает, что подобное стратегическое видение не было свойственно отдельным правоограничениям того периода. Например, применение таких цифровых технологий обеспечения режима самоизоляции, как специальные мобильные приложения, цифровые пропуска и пр., сопровождалось сбором беспрецедентных объемов персональных данных граждан при относительно слабой проработке вопроса их защиты (передача данных по незащищенным каналам связи и на иностранные сервера, обработка данных без возможности их отзыва, в условиях отсутствия требований к ПАК обработки данных)³.

В науке высказываются обоснованные опасения, что в период пандемии зародились существенные риски использования биологических материалов граждан (результатов тестов) в не связанных с диагностикой заболевания целях, а также пренебрежение правилами уничтожения собранных массивов информации [13]. Сегодня становится понятно, что пандемия во многом осталась «невыученным уроком»: полноценного регулирования в отношении утечек данных по-прежнему нет, статус генетических персональных дан-

---

² См.: Зорькин В. Под знаком Основного Закона. URL: <https://alrf.ru/news/valeriy-zorkin-pod-znakom-osnovnogo-zakona/> (дата обращения: 01.11.2022).

³ См., например: Доклад Совета при Президенте РФ по правам человека «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина». URL: <http://www.president-sovet.ru/files/2e/b9/2eb9954e02a7fe98779d8ece613fca91.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

ных законодательно не определен, а довольно жесткие процедуры получения согласий граждан на обработку их персональных данных полноценно не адаптированы под цифровые инструменты, предполагающие принудительный или автоматический сбор таких согласий.

Во-вторых, принятие властных решений о введении ограничительных мер в целях сдерживания пандемии должно основываться на концепции прав человека и воплощать принципы недискриминации, защиты наиболее уязвимых лиц, права на жизнь и достоинство. Этот императив, казалось бы, очевиден, но, несмотря на это, все же получил всестороннее исследование и внимание в зарубежной науке. Причина тому – политика некоторых стран по ограничению доступа к медицинской помощи для заведомо слабых и имеющих низкий жизненный потенциал лиц: пожилых граждан, лиц с ограничениями по здоровью. В литературе констатируется, что в период пандемии была отмечена дискриминационная практика в трех основных проявлениях: в доступе к медицинской помощи, в формате косвенной и непреднамеренной дискриминации (последствия реализации мер социального дистанцирования), в виде повышенной уязвимости отдельных незащищенных категорий граждан (бездомных, этнических меньшинств, мигрантов) [12].

В-третьих, в период пандемий и кризисов как никогда важно стремление государства к достижению целей защиты здоровья и благополучия населения за счет минимально необходимых сдерживающих мер. В этом плане довольно показательным является опыт Республики Беларусь, где было принято решение о предъявлении основного массива санитарно-эпидемиологических требований к организациям, на фоне минимальной практики привлечения граждан к ответственности за уклонение от применения средств индивидуальной защиты (масок) [14, с. 71]. Напротив, в России всего лишь за несколько месяцев действия «ковидных» ограничений, как следует из материалов МВД РФ, было составлено свыше одного миллиона протоколов об административных правонарушениях⁴. Более того, прекращение действия правил, установленных в рамках режимов повышенной готовности, не стало рассматриваться и в качестве основания для отмены вынесенных за нарушение таких нормативов в период их действия постановлений по делу об административных правонарушениях (ст. 20.6.1 КоАП РФ). Хотя до 2022 года и сохранялась некоторая надежда относительно возможности определения решений об отмене режима повышенной готовности в качестве закона, отменяющего административную ответственность за «ковидные» нарушения, они были развеяны в ноябре 2022 года Конституционным Судом РФ, опровергшим подобную трактовку⁵.

---

⁴ См.: Более 1,1 миллиона россиян оштрафовали за нарушения ограничений по COVID-19. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2022. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision645006.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

Наконец, введение ограничительных мер должно отвечать реалиям конкретно-исторической ситуации, складывающейся в том или ином государстве. Национально-исторический фактор в период пандемии стал, с одной стороны, важным мериллом выбора правовой модели реакции государства на распространение новой коронавирусной инфекции (от тотальных ограничений до относительно свободных режимов). С другой стороны, конкретно-исторические реалии нередко выступали основой оценки конституционности вводимых в пандемию ограничений. Как известно, принимая во внимание именно этот критерий, Конституционный Суд РФ в 2020 году сделал вывод о конституционности практики ограничения свободы передвижения актами высших должностных лиц субъектов РФ⁶. Напротив, Конституционный Суд Австрии признал неоправданными и, вследствие этого, неконституционными введенные в стране ограничения на работу ряда общественных заведений и требования к ношению масок [14, с. 66]. Различия в подходах очевидны. И подобные примеры – далеко не единичны.

Беспрецедентность антиковидных мер, их масштабность и разнообразие не могли не оставить следа в психологическом состоянии людей различных возрастных, профессиональных и иных социальных групп. В ряде случаев следует говорить и об изменении психического статуса многих лиц, переживших противокоронавирусные ограничения. Среди причин психических расстройств ВОЗ называет и ущемление личной свободы [15]. Масштаб психологических нарушений закономерно более широк, нежели психических. В диапазоне факторов, вызывающих негативный психологический отклик, также в качестве основного указываются ограничения свободы [16, с. 122].

С психологической точки зрения очевидно, что индивидуальные значения законодательных норм, сопровождающих пандемию, охватывают широкий спектр психологических явлений, которые лишь условно можно объединить понятием «ограничение свободы». На одном полюсе этого спектра, высоко вероятно, находится положительное отношение человека к официально объявленной изоляции, если этот человек был склонен к затворничеству в силу интровертированности и соответствующих особенностей своего образа жизни. Другой полюс образован реакциями на те последствия карантинных мер, которые являются значимыми для конкретных людей. Большинство из них в настоящее время, по сути, только названы в многочисленных публикациях, их подробные исследования составляют ближайшую перспективу.

Среди не самых очевидных психологических последствий пандемии и, в частности, связанных с ней изоляционных мер следует отметить изменившиеся паттерны работы людей с информацией. Во-первых, произошла перестройка схем получения информации: усложнилось непосредственное общение, что побудило многих людей стать пользователями электронных средств связи и потребителями распространяемого ими контента. В даль-

---

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Российская газета. 2021. 15 янв.

нейшем возвращение к прежнему образу жизни не всегда означало отказ от сформировавшихся в период изоляции моделей информационного поведения. Во-вторых, изменились информационные приоритеты в направлении той тематики, которая стала важной именно в связи с основным информационным трендом (различными аспектами пандемии).

Разные авторы отмечают и другие особенности потребления информации в эпоху пандемии по сравнению с предшествующим периодом. В частности, это снижение степени доверия к сведениям, сообщаемым официальными источниками [17, с. 431], что неудивительно с учетом трудностей их верификации [18, с. 94], вызывающих феномен инфодемии [18, с. 93; 19]. Кроме того, значительно возрос воздействующий потенциал воспринимаемого контента как регулятора психического состояния [20], как стимулятора определенных форм поведения и как основы для формирования новых ценностей [21].

Некоторые из отмеченных феноменов в большей степени касаются пожилых, чем молодых, людей. Так, именно старшая возрастная группа в наибольшей степени пострадала от ограничения личных контактов не только в связи с тем, что поведение пожилых людей регулировалось более жестко, чем молодых, но и потому, что для неработающих пенсионеров непосредственное общение выполняет широкий ряд психологических функций – от обеспечения эмоционального комфорта до поддержания функционирования когнитивных процессов. Соответственно, в период карантинных мер пожилые люди «возложили» (главным образом неосознанно) на СМИ и масс-медиа больший объем психологических функций, нежели молодые люди, которые и ранее часть своих психологических потребностей удовлетворяли с помощью Интернета. При этом следует согласиться с той точкой зрения, что это удовлетворение весьма иллюзорно [22, с. 314], что также в большей степени касается группы 60плюс, чем молодежи.

Необходимо добавить, что применительно к пожилым людям есть основания говорить о специфических возрастных особенностях восприятия, анализа и усвоения информации. Однако в контексте пандемии изучались лишь возрастные особенности психологического состояния и отношения к ней [21], но не особенности понимания этой информации [23, с. 599]. Между тем именно эффективность понимания оказывает существенное влияние на адаптацию пожилых людей к неблагоприятным изменениям макросреды.

Все исследования информационных аспектов, связанных с пандемией, касаются восприятия потребителями информации об особенностях течения заболевания, рисках заражения, мерах профилактики и т. п. Между тем для психологического благополучия не менее существенно адекватное усвоение информации юридической. Изложенные выше законодательные парадоксы [24] означают не только трудности правоприменения, но и проблемы усвоения соответствующих сведений.

Рассмотрение юридических и психологических аспектов карантинных ограничений, казалось бы, в настоящее время потеряло актуальность. Однако на их примере возможно исследование более общих закономерностей

стей, действующих в условиях быстрого изменения правового поля, обилия и одновременно недостатка информации, высокой значимости для людей изменений, происходящих в обществе (включая, как мы уже отметили ранее, и ситуацию сегодняшнего дня, трудности которой обусловлены существенно более чрезвычайными обстоятельствами). Кроме того, с сожалением приходится констатировать, что и пандемии, хотя и дискретны, но склонны к повторяемости, изменчивости и появлению совершенно новых вызовов. Поэтому формула «предупрежден – значит вооружен» весьма актуальна для общественных практик в означенной специфической сфере жизнедеятельности, а также и для других менее или более неординарных.

Ссылки

1. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 10. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.009-020.
2. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // *Социально-юридическая тетрадь*. 2021. № 11. С. 8–21.
3. Тарусина Н. Н. Многодетная семья как феномен социально-правового пространства // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 2. С. 24–28.
4. Филишова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // *Закон*. 2020. № 5. С. 42–52.
5. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 81–89. DOI: 10.31857/S102694520012234-8.
6. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.
7. Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // *Социальные и гуманитарные знания*. 2021. Т. 7, № 2. С. 166–181. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-166-181.
8. Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019. Т. 14, № 2. С. 32–45.
9. Колпина Л. В., Бояринова Е. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В. Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 10(152). С. 23–28.
10. Конева Е. В., Тарусина Н. Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью (уроки пандемии) // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2022. Т. 16, № 4. С. 634–641. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641.
11. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

12. Gready P. The Implication of and Responses to COVID-19: Localizing Human Rights in the City of York (UK) // *Journal of Human Rights Practice*. 2020. Vol. 12, Issue 1. P. 250–259. DOI: 10.1093/jhuman/huaa036.

13. Салихов Д. Р. Пандемия и персональные данные: как распространение новой коронавирусной инфекции бросает новые вызовы персональным данным // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 3. С. 46–50.

14. Василевич Г. А., Остапович И. Ю., Калинина Е. Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // *Правоприменение*. 2021. Т. 5, № 2. С. 62–76.

15. . Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 / Т. Л. Крюкова [и др.] // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 4. С. 120–134.

16. Новая группа экспертов ВОЗ определит пробелы и решения в области воздействия COVID-19 на психическое здоровье // Европейское региональное бюро ВОЗ: Электронный ресурс. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/mental-health/news/> (дата обращения: 15 декабря 2022 г.).

17. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.

18. Васильева А. В. Первая конференция по инфодемиологии ВОЗ: мультидисциплинарное сотрудничество в противодействии дезинформации в период пандемии COVID – 19 // *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2020. № 3. С. 93–95.

19. Раренко А. А., Воронцова В. О. Раренко, А. А. Инфодемия в условиях пандемии COVID-19 // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2021. № 2. С. 94–104. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.08.

20. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89.

21. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова [и др.] // *Клиническая и специальная психология*. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146.

22. Алёхин А. Н., Дубинина Е. А. Пандемия: клинико-психологический аспект // *Артериальная гипертензия*. 2020. Т. 26, № 3. С. 312–316. DOI: 10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316.

23. Конева Е. В., Солондаев В. К. Актуальная информация в эпоху пандемии: способы трансляции и особенности восприятия // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2021. Т. 15, № 4. С. 592–601. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-592-601.

24. Тарусина Н. Н. О правах человека в контексте семейных ценностей: заметки на полях после 24 февраля 2022 года // *Социально-юридическая тетрадь*. 2022. № 12. С. 6–15.